

«Я говорю об опасной радости людей...»

Известия 2004-2 февр. с 1-2
(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Может быть, просто мир изменился, время прошло?

— Зависимость от протекающего времени — это самая тяжелая зависимость. Время каким-то образом нас перемещает из одной атмосферы — в которой мы жили — в другую. И постепенно, когда человек входит в возраст, он обнаруживает, что даже в собственной стране он уже как бы за границей. Уходит поколение, к которому он привык, уходит пожилые люди, к которым он привык и которых он любил. Приходит совершенно новое поколение, которое он совсем не знает. И это равносильно попаданию в чужую страну. И чем дальше с годами, тем больше каждый из нас вынужден чувствовать себя одиноким, в незнакомой обстановке. То есть, как было сказано, в одну реку дважды войти невозможно.

— Вы думали приехать в Грузию?

— Нет. Я с удовольствием приехал бы в Грузию, но тут есть одно обстоятельство. Профессия, которой я занимаюсь, вышла из употребления на моей родине. По очень разным причинам. По социальным скорее всего. И по причинам экономическим. Мои коллеги в Грузии страдают оттого, что вынуждены ничего не делать, имея и голову на плечах, и сердце на своем месте. Заниматься моей профессией очень трудно, когда на кинематограф не отпускают средства. А кинематограф, как вам известно, занятие довольно дорогостоящее. Я продолжаю делать то, что делал в Грузии, но в тех условиях, где это можно делать быстро и результативно. Во Франции во всяком случае я делаю фильм за год, считая подготовку, написание сценария, выбор актеров, монтаж. Съемки здесь заканчиваются ну максимум за два месяца. Что мои коллеги в Грузии вынуждены делать в течение семи, восьми, а то и девяти лет. Этого я себе позволить не могу.

— Насколько изменился круг вашего общения? Существует ли для вас эта проблема?

— Эту проблему ощущают все, особенно когда попадают в незнакомую обстановку. Трудность вступления в контакт. Контакт ограничен клановыми и кастовыми правилами. Проникнуть в какую-нибудь касту и еще признать правила поведения в ней — это очень тяжелая вещь. Хотя есть поговорка опять-таки «В какой монастырь войдешь — ту шапку и надевай». Менять шапки все время — это самое трудное. Я благодарен судьбе, что сначала попал в Италию, потом во Францию — во всяком случае в Европу, — где я не вынужден общаться с моими коллегами по принципу того, что они мои коллеги. Я имею возможность выбирать себе друзей, приятелей и знакомых так же, как это было в моей юности, в бытность мою в Грузии, в Тбилиси и в Москве, по совсем другим критериям. Критериям человеческой ценности,

радости общения с другим человеком, с которым есть о чем поговорить. К сожалению, поговорить можно только с теми, кто прожил примерно такой же период жизни, как и вы, и приблизительно в той же обстановке. Вам есть о чем говорить, и разговор ваш опирается на какие-то понятия, которые не требуют других объяснений. И вы вступаете в общение с человеком, который прожил и такое же детство, как вы, видел ту же ситуацию — и социальную, и политическую, и общественную, и культурную. Поэтому вы с ним разговариваете совершенно свободно и непринужденно. Приехав в другую страну, вы обнаруживаете, что здесь прожили детство совсем в другом мироощущении, воспитаны они совсем по-другому, воспоминаний общих у вас нет, поэтому вас неминуемо тянет вернуться обратно. К себе на родину.

Кадр из фильма «Утро понедельника»

Та ситуация, в которой мы выросли, была лагерная. Все были раздавлены. И те, кто сидели, и те, кто сажали, и те, кто правили, и те, кто молчали, и те, кто поддакивали, — и все были несчастны, все находились как в зоне. Поэтому мы всегда определяли, кто входит в круг уважаемых нами людей — знакомых или незнакомых. Кто такие «мы» и кто такие «они». Были всегда «они» и были всегда «мы». Сегодня все смешалось. Стало гораздо опасней жить иллюзиями в нашей собственной стране. И, к сожалению, очень многие поменяли кожу, как говорится. Очень сильно изменились, поддались или проявили себя таким несимпатичным образом, что вызывают разочарование. Общение должно быть радостным. А радость наступает оттого, что вы встречаете человека через много лет и видите, что он стоически выдержал все передарги, которые на его несчастную голову упали. И радость видеть стойких людей, радость видеть людей упрямых, радость видеть людей благородных (и благородных не вынужденно, а благородных внутренне) — это главное, что меня толкает на открытие таких личностей. Вот, например, я недавно познакомился с писателем Женей Поповым. Таким образом моими друзьями стали Андрей Битов, Юра Рост. Ну а те, кто изменились, они выпали из круга нашего общения. Об этом я очень жалею, кстати.

— Вы относите себя к диссидентам?

— Я это слово очень не люблю, потому что оно предполагает некоторую привилегию по отношению к остальному населению. Некое как бы обладание ключом к истине и некоторое высокомерие. Поэтому я очень опасюсь этого слова. Первым диссидентом был Ленин. Диссиденты часто наслаждаются своей особенностью и, как это раньше называлось, — инакомыслием. Я считаю, что это очень близко к гордыне. Я не отношусь к категории диссидентов. Никаких путей указывать массам людей, которые живут в несчастье, я не берусь. И не умею, и не знаю. Я уверен прочно и твердо в том, что человеческая натура так уж создана на этой земле природой или Господом Богом, что человек не меняется. И никакие передрюги, никакие обещания, никакие

ни. Это застолье предполагает произнесение неприятных друг другу вещей, отношение друг к другу с уважением и с почтением, отсутствие презрения, отсутствие гордыни, спеси, дружелюбное отношение друг к другу.

Сегодня — вы знаете — это все перерастает постепенно в метод славословия и, я бы сказал, в метод услуги вышестоящим. Поэтому сегодня уже приходится мне и моим приятелям задумываться: а с кем же мы будем сидеть за столом завтра или даже этим вечером. Даже поесть хаш утром — надо очень серьезно подумать, с кем и как. Потому что это может превратиться в очень неприятное времяпрепровождение, потому что настоящее, эта традиция постепенно искажается и отмирает. Вот такая ностальгия по застолью, которое я знал и помню, она во мне, очевидно, до сих пор теплится. И, наверное, это видно в тех работах, которые я пытаюсь донести до зрителя. Уже не как указание пути: как надо делать, а как напоминание о том, как это было раньше и как это было приятно и хорошо. И, увы, все утеряно. И просто как свидетельство о том, как мы жили. Это все-таки носит какой-то отпечаток летописи или документа.

— Насколько принципиален минимализм слова в ваших фильмах?

— Выразаться при помощи слова — задача довольно трудная и серьезная. Это мастерство — если иметь в виду Шекспира, Гете, Пушкина, даже современных авторов — совершенно другого рода, чем то занятие, которым я вынужден заниматься. То есть к кинематографу, к счастью, имеющему очень мало отношения. Никакой принципиальной установки — не употреблять слов — у меня нет. Но я не берусь писать диалоги, так как я знаю, что я не Мольер. Поэтому люди у меня общаются и разговаривают на очень простом и бытовом языке и скорее всего совершают поступки, которые самим фактом их наблюдения зрителем дают возможность понять идейный строй фильма и авторский замысел. Я могу написать диалог, если мне понадобится. Но я думаю, что говорить на экране впустую — значит, создавать барьер непонимания между зрителем и автором.

— Многие называют ваши фильмы притчами. Это так?

— Притча — способ выразить свои мысли довольно древний. Он сродни поэзии. Притча или басня охватывают очень широкий круг явлений, которые преподносятся зрителю в сжатой форме. И, может быть, у нас была старая привычка разговаривать притчами со зрителем, и все мы общались — и в литературе, и в кинематографе — иносказательным способом. Иносказание и есть основа любой притчи. Притча, допустим, о блудном сыне, которую я использовал в «Утре понедельника», немного замаскирована, замаскирована, но она остается притчей.

— Вы чувствуете ностальгию по грузинскому темпераменту, грузинскому застолью?

— Застолье — это особая статья, и я счастлив, что мне повезло родиться в стране, где хотя бы это правило жить на свете — во всяком случае в дни моей зрелости — еще было сохранено. Потому что застолье предполагает ритуал, который дает человеку возможность вступить в очень серьезный и очень возвышенный контакт перед лицом окончания дней наших. Ведь каждый из нас, за столом сидящих, знает, что он ограничен во време-